

Максим Горький

Дачники

Максим Горький

Дачники

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=629095

На дне: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-39123-3

Аннотация

Драматическое произведения великого русского писателя.

Впервые напечатано в «Сборнике товарищества „Знание“ за 1904 год», книга третья, СПб. 1905.

Пьеса «Дачники» включалась во все собрания сочинений.

Печатается по тексту третьего «Сборника товарищества „Знание“ за 1904 год», сверенному с рукописью и машинописной копией, правленной М.Горьким в 1904 г.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Горький

Дачники

Действующие лица

Басов, Сергей Васильевич, адвокат, под 40 лет.

Варвара Михайловна, его жена, 27 лет.

Калерия, сестра Басова, 29 лет.

Влас, брат жены Басова, 25 лет.

Суслов, Петр Иванович, инженер, 42 года.

Юлия Филипповна, его жена, 30 лет.

Дудаков, Кирилл Акимович, доктор, 40 лет.

Ольга Алексеевна, его жена, 35 лет.

Шалимов, Яков Петрович, литератор, лет 40.

Рюмин, Павел Сергеевич, 32 года.

Марья Львовна, врач, 37 лет.

Соня, дочь ее, 18 лет.

Двоеточие, Семен Семенович, дядя Суслова, 55 лет.

Замыслов, Николай Петрович, помощник Басова, 28 лет.

Зимин, студент, 23 года.

Пустобайка, дачный сторож, 50 лет.

Кропилкин, сторож.

Саша, горничная Басовых.

Любители драматического искусства.

Женщина с подвязанной щекой

Господин Семенов

Дама в желтом платье

Молодой человек в клетчатом костюме

Барышня в голубом

Барышня в розовом

Юнкер

Господин в цилиндре

Действие первое

Дача Басовых. Большая комната, одновременно столовая и гостиная. В задней стене налево открытая дверь в кабинет Басова, направо дверь в комнату его жены. Эти комнаты разделены коридором, вход в него завешен темной портьерой. В правой стене окно и широкая дверь на террасу, в левой два окна. Посреди комнаты большой обеденный стол, против двери в кабинет рояль. Мебель плетеная, дачная, только около входа в коридор широкий диван, покрытый серым чехлом. Вечер. **Басов** сидит за столом в кабинете, перед ним рабочая лампа под зеленым абажуром. Он пишет, сидя боком к двери, поворачивает голову, присматривается к чему-то в полутьме большой комнаты и порой тихо напевает. **Варвара Михайловна** бесшумно выходит из своей комнаты, зажигает спичку, держит ее перед лицом, осматривается. Огонь гаснет.

В темноте, тихо подвигаясь к окну, она задевает стул.

Басов. Это кто?

Варвара Михайловна. Я.

Басов. А...

Варвара Михайловна. Ты взял свечу?

Басов. Нет.

Варвара Михайловна. Позвони Сашу.

Басов. Влас приехал?

Варвара Михайловна (*у двери на террасу.*) Не знаю...

Басов. Глупая дача. Устроены электрические звонки, а везде щели... пол скрипит... (*Напевает что-то веселое.*)
Варя, ты ушла?

Варвара Михайловна. Я здесь...

Басов (*собирает бумаги, укладывает их.*) У тебя в комнате дует?

Варвара Михайловна. Дует...

Басов. Вот видишь!

(*Саша входит.*)

Варвара Михайловна. Дайте огня, Саша.

Басов. Саша, Влас Михайлович приехал?

Саша. Нет еще.

(*Саша выходит, возвращается с лампой, ставит ее на стол около кресла. Вытирает пепельницу, на обеденном столе поправляет скатерть. Варвара Михайловна спускает штору, берет с полки книгу, садится в кресло.*)

Басов (*добродушно*). Он стал неаккуратен, этот Влас... и ленив... Последнее время он вообще ведет себя... нелепо как-то. Это – факт.

Варвара Михайловна. Ты хочешь чаю?

Басов. Нет, я уйду к Сусловым.

Варвара Михайловна. Саша, сходите к Ольге Алексеевне... узнайте, не придет ли она пить чай ко мне...

(*Саша уходит.*)

Басов (*запирая бумаги в столе*). Ну, вот и кончено! (*Выходит из кабинета, расправляя спину*.) Ты, Варя, сказала бы ему, разумеется, в мягкой форме...

Варвара Михайловна. Что сказать?

Басов. Ну, чтоб он более... внимательно относился к своим обязанностям... а?

Варвара Михайловна. Я скажу. Только, мне кажется, ты напрасно говоришь о нем... в этом тоне при Саше...

Басов (*осматривает комнату*). Это – пустяки! От прислуги все равно ничего не скроешь... Как у нас пусто! Надо бы, Варя, прикрыть чем-нибудь эти голые стены... Какие-нибудь рамки... картинки... а то, посмотри, как неуютно!.. Ну, я пойду. Дай мне лапку... Какая ты холодная со мной, неразговорчивая... отчего, а? И лицо у тебя такое скучное, отчего? Скажи!

Варвара Михайловна. Ты очень торопишься к Суслову?

Басов. Да, надо идти. Давно я с ним не играл в шахматы... и давно не целовал твою лапку, почему? Вот странно!

Варвара Михайловна (*скрывая улыбку*). Так мы отложим беседу о моем настроении до поры... когда у тебя будет более свободное время... Ведь это не важно?

Басов (*успокоительно*). Ну, конечно! Ведь это я так... что может быть? Ты милая женщина... умная, искренняя... и прочее. Если бы ты имела что-нибудь против меня – ты сказала бы... А отчего у тебя так блестят глазки?.. Нездорово-

вится?

Варвара Михайловна. Нет, я здорова.

Басов. Знаешь... надо бы тебе чем-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вот все читаешь... очень много читаешь!.. А ведь всякое излишество вредно, это – факт!

Варвара Михайловна. Не забудь об этом факте, когда будешь пить красное вино у Суслова...

Басов *(смеясь)*. Это ты зло сказала! Но, знаешь, все эти модные, пряные книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое... И сочиняют их какие-то нервно-растерзанные господа. *(Зевает.)* Вот скоро явится к нам «всамделишный», как дети говорят, писатель... Интересно, каков он стал... вероятно, зазнался немножко... Все эти публичные люди болезненно честолюбивы... вообще, ненормальный народ! Вот и Калерия ненормальна, хотя – какая она писательница, строго говоря? Она будет рада видеть Шалимова. Вот бы ей выйти замуж за него, право! Стара она... Н-да! старовата... и ноет всегда, точно у нее хронически зубы болят... и не очень похожа на красавицу...

Варвара Михайловна. Как ты много говоришь лишнего, Сергей!

Басов. Разве? Ну, ничего, ведь мы с тобой одни... Да, люблю я поболтать... *(За портьерой слышен сухой кашель.)* Кто это?

Суслов *(за портьерой)*. Я.

Басов *(идет к нему навстречу)*. А я собирался к тебе!

Суслов (*молча здоровается с Варварой Михайловной*). Идем. Я пришел за тобой... Ты в городе сегодня не был?

Басов. Нет. А что?

Суслов (*криво усмехаясь*). Говорят, твой помощник выиграл в клубе две тысячи рублей...

Басов. Ого!

Суслов. У какого-то сильно пьяного купца...

Варвара Михайловна. Как вы всегда говорите...

Суслов. Как?

Варвара Михайловна. Да вот... выиграл деньги – и подчеркиваете – у пьяного.

Суслов (*усмехаясь*). Я не подчеркиваю.

Басов. Что ж тут особенного? Вот если бы он сказал, что Замыслов напоил купца и обыграл его – это, действительно, скверный жанр!.. Идем, Петр... Варя, когда придет Влас... ага! вот он... явился!

Влас (*входит, в руках его старый портфель*). Вы скучали без меня, мой патрон? Приятно знать это! (*Суслову, дурачливо, как бы с угрозой.*) Вас ищет какой-то человек, очевидно, только что приехавший. Он ходит по дачам пешком и очень громко спрашивает у всех – где вы живете... (*Идет к сестре.*) Здравствуй, Варя.

Варвара Михайловна. Здравствуй.

Суслов. Черт возьми! Вероятно, это мой дядя...

Басов. Значит, неудобно идти к тебе?

Суслов. Ну, вот еще! Ты думаешь, мне будет приятно с

дядей, которого я почти не знаю? Я не видал его лет десять.

Басов (*Власу*). Пожалуйста ко мне... (*Уводит Власа в кабинет.*)

Суслов (*закуривая*). Вы не хотите пойти к нам, Варвара Михайловна?

Варвара Михайловна. Нет... Ваш дядя – бедный?

Суслов. Богатый. Очень. Вы думаете, я только бедных родственников не люблю?

Варвара Михайловна. Не знаю...

Суслов (*желчно покашливая*). А этот ваш Замыслов в один подлый день скомпрометирует Сергея, вы увидите! Он – прохвост! Не согласны?

Варвара Михайловна (*спокойно*). Я не хочу говорить с вами о нем.

Суслов. Ну, что ж... Быть по сему. (*Помолчав.*) А вот вы – немножко рисуетесь вашей прямотой... Смотрите, роль прямого человека – трудная роль... чтобы играть ее только недурно, нужно иметь много характера, смелости, ума... Вы не обижаетесь?

Варвара Михайловна. Нет.

Суслов. И не хотите спорить? Или вы в душе согласны с моими словами?

Варвара Михайловна (*просто*). Я не умею спорить... не умею говорить...

Суслов (*угрюмо*). Не обижайтесь на меня. Мне трудно допустить существование человека, который смеет быть самим

собой.

Саша (*входит*). Ольга Алексеевна сказали, что они сейчас придут. Готовить чай?

Варвара Михайловна. Да, пожалуйста.

Саша. Николай Петрович идет к нам. (*Уходит.*)

Суслов (*подходя к двери кабинета*). Сергей, ты скоро?.. Я ухожу...

Басов. Сейчас, сию минуту!

Замыслов (*входит*). Мой привет, патронесса! Здравствуйте, Петр Иванович.

Суслов (*покашливая*). Мое почтение. Каким вы... мотыльком.

Замыслов. Легкий человек! Легко на сердце и в кармане, и в голове легко!

Суслов (*грубовато, с иронией*). По поводу головы и сердца не буду спорить, а вот о кармане— говорят, вы обыграли кого-то в клубе...

Замыслов (*мягко*). Обо мне следует сказать: выиграл. Обыграл — это говорят о шулере.

Варвара Михайловна. Про вас всегда слышишь что-нибудь сенсационное. Говорят, это участь недюжинных людей.

Замыслов. По крайней мере сам я, слушая сплетни обо мне, постепенно убеждаюсь в своей недюжинности... А выиграл я, к сожалению, немного — сорок два рубля...

(*Суслов, сухо кашляя, отходит налево и смотрит в окно.*)

Басов (*выходя*). Только! Я уж мечтал о шампанском...

Ну-с, вы имеете что-нибудь сообщить мне? Я тороплюсь...

Замыслов. Вы уходите? Так я после, это не спешно. Варвара Михайловна, как жаль, что вы не были на спектакле! Юлия Филипповна восхитительно играла... чудесно!..

Варвара Михайловна. Мне вообще нравится, как она играет.

Замыслов *(с увлечением)*. Она – талант! Отрежьте мне голову, если я ошибаюсь!

Суслов *(усмехаясь)*. А вдруг придется отрезать? Совсем без головы – неудобно... Ну, идем, Сергей!.. До свиданья, Варвара Михайловна. Честь имею... *(Кланяется Замыслову.)*

Басов *(заглядывая в кабинет, где Влас разбирает бумаги)*. Так завтра к девяти утра вы все это перепишете, – могу надеяться?

Влас. Надейтесь... И да посетит вас бессонница, уважаемый патрон...

(Суслов и Басов уходят.)

Замыслов. И я пойду... Вашу ручку, патронесса.

Варвара Михайловна. Оставайтесь пить чай!

Замыслов. Если позволите, я приду потом. А сейчас – не могу! *(Быстро уходит.)*

Влас *(являясь из кабинета)*. Варя! В этом доме будут пить чай?

Варвара Михайловна. Позови Сашу. *(Кладет ему руки на плечи.)* Отчего ты такой измученный?

Влас (*третясь щекой об ее руку*). Устал. С десяти до трех сидел в суде... С трех до семи бегал по городу... Шурочка!.. И не успел пообедать.

Варвара Михайловна. Письмоводитель... Это – ниже тебя, Влас!

Влас (*дурачливо*). Нужно стараться достигать высот и так далее... я знаю. Но, Варя! – примеры любя, беру трубочиста на крыше: конечно, залез он всех выше... а разве он выше себя?

Варвара Михайловна. Не дури! Почему ты не хочешь поискать другого труда... более полезного, более значительного?..

Влас (*комически возмущаясь*). Сударыня! Я принимаю хотя и косвенное, но напряженное участие в защите и охране священного института собственности – а вы называете это бесполезным трудом! Какой разврат мысли!

Варвара Михайловна. Ты не хочешь говорить серьезно?..

(*Саша входит.*)

Влас (*Саше*). Многоуважаемая! Будьте великодушны, дайте чаю и закусить.

Саша. Сейчас подам. Котлет угодно?

Влас. И котлет и всего прочего, им подобного... Жду!

(*Саша уходит.*)

Влас (*обнимает сестру за талию и ходит с нею по комнате*). Ну, ты что?

Варвара Михайловна. Мне почему-то грустно, Власик! Знаешь... иногда, вдруг как-то... ни о чем не думая, всем существом почувствуешь себя точно в плену... Все кажется чужим... скрытно враждебным тебе... все такое не нужное никому... И все как-то несерьезно живут... Вот и ты... ба- лагуришь... шутишь...

Влас (*комически становясь перед нею в позу*).

Не укоряй меня, мой друг,
За то, что часто я шучу:
Веселой шуткой мой недуг.
Перед тобой я скрыть хочу...

Стихи собственной фабрикации и гораздо лучше стихов Калерии... Но я не буду читать их до конца: они аршин пять длиной... Дорогая сестра моя! Ты хочешь, чтобы я был се- рьезен? Так, вероятно, кривой хочет видеть всех нижних своих одноглазыми.

(*Входит.*) **Саша** с чайной посудой и ловко суетится около стола. *Слышна трещотка ночного сторожа.*)

Варвара Михайловна. Брось, Влас! Не надо болтать.

Влас. Хорошо – сказал он – и грустно замолчал. Н-да! Ты не великодушна, сестренка! Целый день я молчу, переписыва- вая копии разных ябед и кляуз... естественно, что вечером мне хочется говорить...

Варвара Михайловна. А мне вот хочется уйти куда-то, где живут простые, здоровые люди, где говорят другим язы-

ком и делают какое-то серьезное, большое, всем нужное дело... Ты понимаешь меня?..

Влас (*задумчиво*). Да... понимаю... Но – никуда ты не уйдешь, Варя!

Варвара Михайловна. А может быть, уйду. (*Пауза. Саша вносит самовар.*) Вероятно, завтра приедет Шалимов...

Влас (*зевая*). Не люблю я его последних писаний – пусто, скучно, вяло.

Варвара Михайловна. Я видела его однажды на вечере... я была гимназисткой тогда... Помню, он вышел на эстраду, такой крепкий, твердый... непокорные, густые волосы, лицо – открытое, смелое... лицо человека, который знает, что он любит и что ненавидит... знает свою силу... Я смотрела на него и дрожала от радости, что есть такие люди... Хорошо было! да! Помню, как энергично он встряхивал головой, его буйные волосы темным вихрем падали на лоб... и вдохновенные глаза его помню... Прошло шесть-семь – нет, уже восемь лет...

Влас. Ты мечтаешь о нем, как институтка о новом учителе. Берегись, сестра моя! Писатели, как я слышал, большие мастера по части соращения женщин...

Варвара Михайловна. Это нехорошо, Влас, это – пошло!

Влас (*просто, искренне*). Ну, не сердись, Варя!

Варвара Михайловна. Ты пойми... я жду его... как весну! Мне нехорошо жить...

Влас. Я понимаю, понимаю. Мне самому нехорошо... со-
вестно как-то жить... неловко... и не понимаешь, что же бу-
дет дальше?..

Варвара Михайловна. О да, Влас, да! Но зачем ты...

Влас. Паясничаю?.. Я не люблю, когда другие видят, что
мне нехорошо...

Калерия *(входит)*. Какая чудесная ночь! А вы сидите тут
— и у вас пахнет угаром.

Влас *(встряхиваясь)*. Мое почтение, Абстракция Васи-
льевна!

Калерия. В лесу так тихо, задумчиво... славно! Луна —
ласковая, тени густые и теплые... День никогда не может
быть красивее ночи...

Влас *(в тон ей)*. О да! Старушки всегда веселее, чем де-
вушки, и раки летают быстрее, чем ласточки...

Калерия *(сидясь за стол)*. Вы ничего не понимаете! Ва-
ря, налей мне чаю... Никто не был у нас?

Влас *(поучительно-дурачливо)*. Никто — не может быть
или не быть... ибо никто — не существует.

Калерия. Пожалуйста, оставьте меня в покое.

*(Влас молча кланяется ей и уходит в кабинет, перебира-
ет там бумаги на столе. За окном вдали слышна трещотка
ночного сторожа и тихий свист.)*

Варвара Михайловна. К тебе приходила Юлия Филип-
повна...

Калерия. Ко мне? Ах, да... по поводу спектакля...

Варвара Михайловна. Ты была в лесу?

Калерия. Да. Я встретила Рюмина... он много говорил о тебе...

Варвара Михайловна. Что же он говорил?

Калерия. Ты знаешь...

(Пауза. Влас напевает что-то, гнусаво, негромко.)

Варвара Михайловна *(вздыхая)*. Это очень печально.

Калерия. Для него?

Варвара Михайловна. Однажды он сказал мне, что любовь к женщине – трагическая обязанность мужчины...

Калерия. Ты раньше относилась к нему иначе.

Варвара Михайловна. Ты ставишь это мне в вину? Да?

Калерия. О нет, Варя, нет!

Варвара Михайловна. Сначала я старалась рассеять его печальное настроение... и, правда, много уделяла ему внимания... Потом я увидала, к чему это ведет... тогда он уехал.

Калерия. Ты объяснилась с ним?

Варвара Михайловна. Ни словом! Ни я, ни он...

(Пауза.)

Калерия. Его любовь должна быть теплой и бессильной... вся – в красивых словах... и без радости. А любовь без радости – для женщины обидна. Тебе не кажется, что он горбатый?

Варвара Михайловна *(удивленно)*. Не замечала... разве? Ты ошибаешься!..

Калерия. В нем, в его душе есть что-то нестройное... А

когда я это замечаю в человеке, мне начинает казаться, что он и физически урод.

Влас (*выходит из кабинета, грустно потрясая пачкой бумаги*). Принимая во внимание обилие сих кляуз и исходя из этого факта, честь имею заявить вам, патронесса, что при всем горячем желании моем – не могу я исполнить к сроку, назначенному патроном, возложенную на меня неприятную обязанность!..

Варвара Михайловна. Я помогу тебе потом. Пей чай.

Влас. Сестра моя! Воистину ты – сестра моя! Гордись этим! Абстракция Васильевна, учитесь любить ближнего, пока жива сестра моя и я сам!..

Калерия. А знаете, – вы горбатый!

Влас. С какой точки зрения?

Калерия. У вас горбатая душа.

Влас. Это, надеюсь, не портит моей фигуры?

Калерия. Грубость – такое же уродство, как горб... Глупые люди – похожи на хромых...

Влас (*в тон ей*). Хромые – на ваши афоризмы...

Калерия. Люди пошлые кажутся мне рябыми, и почти всегда они – блондины...

Влас. Все брюнеты рано женятся, а метафизики – слепы и глухи... очень жаль, что они владеют языком!

Калерия. Это неостроумно! И вы, наверное, даже не знаете метафизики.

Влас. Знаю. Табак и метафизика суть предметы насла-

ждения для любителей. Я не курю и о вреде табака ничего не знаю, но метафизиков читал, это вызывает тошноту и головокружение...

Калерия. Слабые головы кружатся и от запаха цветов!

Варвара Михайловна. Вы кончите ссорой!

Влас. Я буду есть – это полезнее.

Калерия. Я поиграю – это лучше. Как душно здесь, Варя!

Варвара Михайловна. Я открою дверь на террасу...

Ольга идет...

(Пауза. Влас пьет чай. Калерия садится за рояль. За окном тихий свист сторожа, и, в ответ ему, издали доносится еще более тихий свист. Калерия тихонько касается клавиш среднего регистра. Ольга Алексеевна входит, быстро откинув портьеру, точно влетает большая, испуганная птица, сбрасывает с головы серую шаль.)

Ольга Алексеевна. Вот и я... едва вырвалась! *(Целует Варвару Михайловну.)* Добрый вечер, Калерия Васильевна! О, играйте, играйте! Ведь можно и без рукопожатий, да? Здравствуйте, Влас.

Влас. Добрый вечер, мамаша!

Варвара Михайловна. Ну, садись... Налить чаю? Почему ты так долго не шла?

Ольга Алексеевна *(нервно)*. Подожди! Там, на воле – жутко... и кажется, что в лесу притаился кто-то... недобрый... Свистят сторожа, и свист такой... насмешливо-печальный... Зачем они свистят?

Влас. Н-да! Подозрительно! Не нас ли это они освистывают?

Ольга Алексеевна. Мне хотелось поскорее придти к тебе... а Надя раскапризничалась, должно быть, тоже нездоровится ей... Ведь Волька нездоров, ты знаешь? Да, жар у него... потом нужно было выкупать Соню... Миша убежал в лес еще после обеда, а вернулся только сейчас, весь оборванный, грязный и, конечно, голодный...

А тут приехал муж из города и чем-то раздражен... молчит, нахмурился... Я совершенно завертелась, право... Эта новая горничная – чистое наказание! Стала мыть пузырьки для молока кипятком, и они полопались!

Варвара Михайловна (*улыбаясь*). Бедная ты моя... славная моя! Устаешь ты...

Влас. О Марфа, Марфа! Ты печешься о многом – оттого-то у тебя все перепекается или недопечено... какие мудрые слова!

Калерия. Только звучат скверно: перепе – фи!

Влас. Прошу извинить – русский язык сочинил не я!

Ольга Алексеевна (*немного обиженная*). Вам, конечно, смешно слушать все это... вам скучно... я понимаю! Но что же! У кого что болит, тот о том и говорит... Дети... когда я думаю о них, у меня в груди точно колокол звучит... дети, дети! Трудно с ними, Варя, так трудно, если бы ты знала!

Варвара Михайловна. Ты прости меня, – мне все кажется, что ты преувеличиваешь...

Ольга Алексеевна (*возбужденно*). Нет, не говори! Ты не можешь судить... Не можешь! Ты не знаешь, какое это тяжелое, гнетущее чувство – ответственность перед детьми! Ведь они будут спрашивать меня, как надо жить... А что я скажу?

Влас. Да вы чего же раньше времени беспокоитесь? Может, они не спросят? Может быть, сами догадаются, как именно надо жить...

Ольга Алексеевна. Вы же не знаете! Они уже спрашивают, спрашивают! И это страшные вопросы, на которые нет ответов ни у меня, ни у вас, ни у кого нет! Как мучительно трудно быть женщиной!..

Влас (*негромко, но серьезно*). Нужно быть человеком... (*Идет в кабинет и садится там за стол. Пишет.*)

Варвара Михайловна. Перестань, Влас! (*Встает и медленно отходит от стола к двери на террасу.*)

Калерия (*мечтательно*). Но заря своей улыбкой погасила звезды в небе. (*Тоже встает из-за рояля, стоит в двери на террасу рядом с Варварой Михайловной.*)

Ольга Алексеевна. Я, кажется, на всех нагнала тоску? Точно сова ночью... о боже мой! Ну, хорошо, не буду об этом... Зачем же ты ушла, Варя? иди ко мне... а то я подумаю, что тебе тяжело со мной.

Варвара Михайловна (*быстро подходит*). Какой вздор, Ольга! Мне просто стало невыносимо жалко...

Ольга Алексеевна. Не надо... Знаешь, я сама иногда чувствую себя противной... и жалкой... мне кажется, что ду-

ша моя вся сморщилась и стала похожа на старую маленькую собачку... бывают такие комнатные собачки... они злые, никого не любят и всегда хотят незаметно укусить...

Калерия. Восходит солнце и заходит, – а в сердцах людей всегда сумерки.

Ольга Алексеевна. Вы что?

Калерия. Я?.. Это... так я, сама с собой беседую.

Влас (*в кабинете гнусаво поет на голос «вечная память»*). Семейное счастье... семейное счастье...

Варвара Михайловна. Влас, прошу тебя, молчи!

Влас. Молчу...

Ольга Алексеевна. Это я его настроила...

Калерия. Из леса вышли люди. Смотрите, как это красиво! И как смешно размахивает руками Павел Сергеевич...

Варвара Михайловна. Кто с ним еще?

Калерия. Марья Львовна... Юлия Филипповна... Соня, Зимин... и Замыслов.

Ольга Алексеевна (*кутается в шаль*). А я такая замухрышка! Эта франтиха Суслова посмеется надо мной... Вот не люблю ее!

Варвара Михайловна. Влас, позвони Сашу.

Влас. Вы, патронесса, отрываете меня от моих прямых обязанностей – так и знайте!

Ольга Алексеевна. Эта великолепная барыня... совсем не занимается детьми, и – странно: они у нее всегда здоровы.

Марья Львовна (*входит в дверь с террасы*). Ваш муж

сказал, что вам нездоровится, – правда? Что с вами, а?

Варвара Михайловна. Я рада, что вы зашли, но я здорова...

(На террасе шум, смех.)

Марья Львовна. Лицо немножко нервное... *(Ольге Алексеевне.)* И вы здесь? Я не видала вас так давно...

Ольга Алексеевна. Как будто вам приятно видеть меня... всегда такую кислую...

Марья Львовна. А если мне нравится кислое? Как ваши детки?

Юлия Филипповна *(входит с террасы)*. Вот сколько я привела вам гостей! Но вы не сердитесь – мы скоро уйдем. Здравствуйте, Ольга Алексеевна... А почему же не входят мужчины? Варвара Михайловна, там Павел Сергеевич и Замыслов. Я позову их, можно?

Вместе

Варвара Михайловна. Конечно!

Юлия Филипповна. Идемте, Калерия Васильевна.

Марья Львовна *(Власу.)* Вы похудели, отчего?

Влас. Не могу знать!

Саша *(входя в комнату.)* Подогреть самовар?

Варвара Михайловна. Пожалуйста... и поскорее.

###

Марья Львовна *(Власу.)* А зачем вы гримасничаете?

Ольга Алексеевна. Он всегда...

Влас. Такая специальность у меня!

Марья Львовна. Все стараетесь быть остроумным? Да? И все неудачно?... Дорогая моя Варвара Михайловна, Павел Сергеевич ваш окончательно погружается в протрацию...

Варвара Михайловна. Почему же мой?

(Входит Рюмин. Потом Юлия Филипповна и Калерия. Влас, нахмурившись, идет в кабинет и затворяет за собою дверь. Ольга Алексеевна отводит Марью Львовну налево и что-то неслышно говорит ей, указывая на грудь.)

Рюмин. Вы извините за такое позднее вторжение...

Варвара Михайловна. Я рада гостям...

Юлия Филипповна. Дачная жизнь хороша именно своей бесцеремонностью... Но если бы вы слышали, как они спорили, он и Марья Львовна!

Рюмин. Я не умею говорить спокойно о том... что так важно, необходимо выяснить...

(Саша вносит самовар. Варвара Михайловна – у стола – тихо отдает ей какие-то приказания, готовит посуду для чая. Рюмин, стоя у рояля, смотрит на нее задумчиво и упорно.)

Юлия Филипповна. Вы очень нервны, это мешает вам быть убедительным! *(Варваре Михайловне.)* Ваш муж сидит с моим орудием самоубийства, пьют коньяк, и у меня такое предчувствие, что они изрядно напьются. К мужу неожиданно приехал дядя – какой-то мясоторговец или маслодел, во-

обще фабрикант, хохочет, шумит, седой и кудрявый... забавный! А где же Николай Петрович? Благоразумный рыцарь мой?..

Замыслов (*с террасы*). Я здесь, Инезилья, стою под окном...

Юлия Филипповна. Идите сюда. Что вы там говорили?

Замыслов (*входя*). Развращал молодежь... Соня и Зимин убеждали меня, что жизнь дана человеку для ежедневного упражнения в разрешении разных социальных, моральных и иных задач, а я доказывал им, что жизнь – искусство! Вы понимаете, жизнь – искусство смотреть на все своими глазами, слышать своими ушами...

Юлия Филипповна. Это – вздор!

Замыслов. Я его сейчас только выдумал, но чувствую, что это останется моим твердым убеждением! Жизнь – искусство находить во всем красоту и радость, даже искусство есть и пить... Они ругаются, как вандалы.

Юлия Филипповна. Калерия Васильевна... Прекратите болтовню!

Замыслов. Калерия Васильевна! Я знаю, вы любите все красивое – почему вы не любите меня? Это ужасное противоречие.

Калерия (*улыбаясь*). Вы такой... шумный, пестрый...

Замыслов. Гм... но теперь не в этом дело... Мы – я и эта прекрасная дама...

Юлия Филипповна. Перестаньте же! Мы пришли...

Замыслов (*кланяясь*). К вам!

Юлия Филипповна. Чтобы просить...

Замыслов (*кланяясь еще ниже*). Вас!

Юлия Филипповна. Я не могу! Пойдемте в вашу милую, чистую комнатку... я так люблю ее...

Замыслов. Пойдемте! Здесь все мешает нам.

Калерия (*смеясь*). Идемте!

(*Идут ко входу в коридор.*)

Юлия Филипповна. Постойте! Вы представьте: фамилия дяди мужа – Двоеточие!

Замыслов (*дважды тычет пальцем в воздух*). Понимаете? Двоеточие!

(*Смеясь, скрываются за портьерой.*)

Ольга Алексеевна. Какая она всегда веселая, а ведь я знаю, – живется ей не очень... сладко... С мужем она...

Варвара Михайловна (*сухо*). Это не наше дело, Оля, мне кажется...

Ольга Алексеевна. Разве я говорю что-нибудь дурное?

Рюмин. Как теперь стали часты семейные драмы...

Соня (*выглядывая в дверь*). Мамашка! Я ухожу гулять...

Марья Львовна. Еще гулять?

Соня. Еще! Тут так много женщин, а с ними всегда невыносимо скучно...

Марья Львовна (*шутя*). Ты – осторожнее... Твоя мать – тоже женщина...

Соня (*вбегая*). Мамочка! Неужели? давно?

Ольга Алексеевна. Что она болтает!

Варвара Михайловна. И хоть бы поздоровалась!

Марья Львовна. Сонька! Ты неприлична!

Соня (*Варваре Михайловне*). Да ведь мы видели сегодня друг друга? Но я с наслаждением поцелую вас... я добра и великодушна, если это мне доставляет удовольствие... или по крайней мере ничего не стоит...

Марья Львовна. Сонька! Перестань болтать и убирайся.

Соня. Нет, какова моя мамашка! Вдруг назвала себя женщиной! Я с ней знакома восемнадцать лет и первый раз слышу это! Это знаменательно!

Зимин (*просовывая голову из-за портьеры*). Да вы идете или нет?

Соня. Рекомендую – мой раб!

Варвара Михайловна. Вы что же не входите?.. Пожалуйста.

Соня. Он невозможен в приличном обществе.

Зимин. Она оторвала мне рукав у тужурки – вот и все!..

Соня. И только! Этого ему мало, он недоволен мной... Мамашка, я за тобой зайду, хорошо? А теперь иду слушать, как Макс будет говорить мне о вечной любви...

Зимин. Как же... Дождитесь!

Соня. Посмотрим, юноша! До свиданья. Луна еще есть?

Зимин. И я не юноша... В Спарте... Позвольте, **Соня**, зачем же толкать человека, который...

Соня. Еще не человек... вперед – Спарта!

(Их голоса и смех долго звучат где-то около дома.)

Рюмин. Славная дочь у вас, Марья Львовна.

Ольга Алексеевна. Когда-то и я была похожа на нее...

Варвара Михайловна. Мне нравится, как вы относитесь друг к другу... славно! Садитесь чай пить, господа!

Марья Львовна. Да, мы друзья.

Ольга Алексеевна. Друзья... как это достигается?

Марья Львовна. Что?

Ольга Алексеевна. Дружба детей.

Марья Львовна. Да очень просто: нужно быть искренней с детьми, не скрывать от них правды... не обманывать их.

Рюмин *(усмехаясь)*. Ну, это, знаете, рискованно! Правда груба и холодна, и в ней всегда скрыт тонкий яд скептицизма... Вы сразу можете отравить ребенка, открыв перед ним всегда страшное лицо правды.

Марья Львовна. А вы предпочитаете отравлять его постепенно?... Чтобы и самому не заметить, как вы изуродуете человека?

Рюмин *(горячо и нервно)*. Позвольте! Я этого не говорил! Я только против этих... обнажений... этих неумных, ненужных попыток сорвать с жизни красивые одежды поэзии, которая скрывает ее грубые, часто уродливые формы... Нужно украшать жизнь! Нужно приготовить для нее новые одежды, прежде чем сбросить старые...

Марья Львовна. О чем вы говорите? – не понимаю!...

Рюмин. О праве человека желать обмана!.. Вы часто говорите – жизнь! Что такое – жизнь? Когда вы говорите о ней, она встает предо мной, как огромное, бесформенное чудовище, которое вечно требует жертв ему, жертв людьми! Она изо дня в день пожирает мозг и мускулы человека, жадно пьет его кровь. *(Все время Варвара Михайловна внимательно слушает Рюмина, и постепенно на лице ее появляется выражение недоумевающее. Она делает движение, как бы желая остановить Рюмина.)* Зачем это? Я не вижу в этом смысла, но я знаю, что чем более живет человек, тем более он видит вокруг себя грязи, пошлости, грубого и гадкого... и все более жаждет красивого, яркого, чистого!.. Он не может уничтожить противоречий жизни, у него нет сил изгнать из нее зло и грязь, – так не отнимайте же у него права не видеть того, что убивает душу! Признайте за ним право отвернуться в сторону от явлений, оскорбляющих его! Человек хочет забвения, отдыха... мира хочет человек! *(Встречая взгляд Варвары Михайловны, он вздрагивает и останавливается.)*

Марья Львовна *(спокойно)*. Он обанкротился, ваш человек? Очень жаль... Только этим и объясняете вы его право отдыхать в мире? Нелестно.

Рюмин *(Варваре Михайловне)*. Простите, что я... так раскричался! Вам, я вижу, неприятно...

Варвара Михайловна. Не потому, что вы так нервны...

Рюмин. А почему же? Почему?

Варвара Михайловна *(медленно, очень спокойно)*. Я

помню, года два тому назад, вы говорили совсем другое... и так же искренне... так же горячо...

Рюмин (*взволнованно*). Растет человек, и растет мысль его!

Марья Львовна. Она мечется, как испуганная летучая мышь, эта маленькая, темная мысль!..

Рюмин (*все так же волнуясь*). Она поднимается спиралью, но она поднимается все выше! Вы, Марья Львовна, подозреваете меня в неискренности, да?..

Марья Львовна. Я? нет! Я вижу: вы искренне... кричите... и, хотя для меня истерика не аргумент, я все же понимаю – вас что-то сильно испугало... вы хотели бы спрятаться от жизни... И я знаю: не один вы хотите этого, – людей испуганных не мало...

Рюмин. Да, их много, потому что люди все тоньше и острее чувствуют, как ужасна жизнь! В ней все строго predetermined... и только бытие человека случайно, бессмысленно... бесцельно!..

Марья Львовна (*спокойно*). А вы постарайтесь возвести случайный факт вашего бытия на степень общественной необходимости, – вот ваша жизнь и получит смысл...

Ольга Алексеевна. Боже мой! Когда при мне говорят что-нибудь строгое, обвиняющее... я вся съеживаюсь... точно это про меня говорят, меня осуждают! Как мало в жизни ласкового! Мне пора домой! У тебя хорошо, Варя... всегда что-нибудь услышишь, вздрогнешь лучшей частью души...

Поздно уже, надо идти домой...

Варвара Михайловна. Сиди, голубчик! Чего ты так?.. вдруг? Если будет нужно, пришлют за тобой.

Ольга Алексеевна. Да, пришлют... Ну, хорошо, я посижу. *(Идет и садится на диван с ногами, сжимаясь в комок. Рюмин нервно барабанит пальцами по стеклу, стоя у двери на террасу.)*

Варвара Михайловна *(задумчиво)*. Странно мы живем! Говорим, говорим – и только! Мы накопили множество мнений... мы с такой... нехорошей быстротой принимаем их и отвергаем... А вот желаний, ясных, сильных желаний нет у нас... нет!

Рюмин. Это по моему адресу? да?

Варвара Михайловна. Я говорю о всех. Неискренно, некрасиво, скучно мы живем...

Юлия Филипповна *(быстро входит, за нею Калерия)*. Господа! Помогите мне...

Калерия. Право, это лишнее!

Юлия Филипповна. Она написала новые стихи и дала мне слово прочитать их на нашем вечере в пользу детской колонии... Я прошу прочитать сейчас, здесь! Господа, просите!

Рюмин. Прочитайте! Люблю я ваши ласковые стихи...

Марья Львовна. Послушала бы и я. В спорах – грубеешь. Прочитайте, милая.

Варвара Михайловна. Что-нибудь новое, Калерия?

Калерия. Да. Проза. Скучно.

Юлия Филипповна. Ну, дорогая моя, прочитайте! Что вам стоит? Пойдемте за ними! (*Уходит, увлекая Калерию.*)

Марья Львовна. А где же... Влас Михайлович?

Варвара Михайловна. Он в кабинете. У него много работы.

Марья Львовна. Я с ним немножко резко обошлась... Досадно видеть его только шутником, право!

Варвара Михайловна. Да, обидно это. Знаете, если бы вы немножко мягче с ним!.. Он – славный... Его многие учили, но никто не ласкал.

Марья Львовна (*улыбаясь*). Как всех... как всех нас... И оттого все мы грубы, резки...

Варвара Михайловна. Он жил с отцом, всегда пьяным... Тот его бил...

Марья Львовна. Пойду к нему. (*Идет к двери в кабинет, стучит и входит.*)

Рюмин (*Варваре Михайловне*). Вы все ближе сходитесь с Марьей Львовной, да?

Варвара Михайловна. Она мне нравится...

Ольга Алексеевна (*негромко*). Как она строго говорит обо всем... как строго.

Рюмин. Марья Львовна в высокой степени обладает жестокостью верующих... слепой и холодной жестокостью... Как это может нравиться?..

Дудаков (*входит из коридора*). Мое почтение, извини-

те... Ольга, ты здесь? Скоро домой?

Ольга Алексеевна. Хоть сейчас. Ты гулял?

Варвара Михайловна. Стакан чаю, Кирилл Акимович?

Дудаков. Чай? Нет. На ночь не пью... Павел Сергеевич, мне бы вас надо... можно к вам завтра?

Рюмин. Пожалуйста.

Дудаков. Это насчет колонии малолетних преступников. Они опять там накуролесили... черт их дери! Бьют их там... черт побери! Вчера в газетах ругали нас с вами...

Рюмин. Я, действительно, давно не был в колонии... Как-то все некогда...

Дудаков. Д-да... И вообще... некогда всем...хлопот у всех много, а дела – нет... почему? Я вот... устаю очень. Шлялся сейчас по лесу – и это успокаивает... несколько... а то – нервы у меня взвинчены...

Варвара Михайловна. У вас лицо осунулось.

Дудаков. Возможно. И сегодня неприятность... Этот осел, голова, упрекает: неэкономно! Больные много едят, и огромное количество хины... Болван! Во-первых, это не его дело... А потом, осуши улицы нижней части города, и я не трону твоей хины... Ведь не пожираю я эту хину сам? Терпеть не могу хины... и нахалов...

Ольга Алексеевна. Стоит ли, Кирилл, раздражаться из-за таких мелочей? Право, пора привыкнуть.

Дудаков. А если вся жизнь складывается из мелочей? И что значит привыкнуть?... К чему? К тому, что каждый идиот су-

ется в твоё дело и мешает тебе жить?.. Ты видишь: вот... я и привыкаю. Голова говорит – нужно экономить... ну, я и буду экономить! То есть это не нужно и это вредно для дела, но я буду... У меня нет частной практики, и я не могу бросить это дурацкое место...

Ольга Алексеевна (*укоризненно*). Потому что большая семья? Да, Кирилл? Я это не однажды слышала от тебя... и здесь ты мог бы не говорить об этом... Бестактный, грубый человек! (*Накинув шаль на голову, быстро идет к комнате Варвары Михайловны.*)

Варвара Михайловна. Ольга! Что ты?!

Ольга Алексеевна (*почти рыдая*). Ах, пусти, пусти меня!.. Я это знаю! Я слышала...

(*Они обе скрываются в комнате Варвары Михайловны.*)

Дудаков (*растерянно*). Вот! И... совершенно не имел в виду... Павел Сергеевич, вы меня извините... Это совершенно случайно... Я так... смущен... (*Быстро уходит, сталкиваясь в дверях с Калерией, Юлией Филипповной и Замысловым.*)

Юлия Филипповна. Доктор чуть не опрокинул нас! Что с ним?

Рюмин. Нервы... (*Варвара Михайловна входит.*) Ольга Алексеевна ушла?

Варвара Михайловна. Ушла... да...

Юлия Филипповна. Не доверяю я этому доктору... Он такой... нездоровый, заикается, рассеянный... Засовывает в

футляр очков чайные ложки и мешает в стакане своим молоточком... Он может напутать в рецепте и дать чего-нибудь вредного.

Рюмин. Мне кажется, он кончит тем, что пустит себе пулю в лоб.

Варвара Михайловна. Вы говорите это так спокойно...

Рюмин. Самоубийства часты среди докторов.

Варвара Михайловна. Слова волнуют нас больше, чем люди... Вы не находите?

Рюмин (*вздрыгнув*). О, Варвара Михайловна!
(*Калерия садится за рояль, Замыслов около нее.*)

Замыслов. Вам удобно?

Калерия. Спасибо...

Замыслов. Господа, внимание!
(*Входят Марья Львовна и Влас, очень оживленные.*)

Влас. Ого! Будут читать стихи, да?

Калерия (*с досадой*). Если вы хотите слушать, вам придется перестать шуметь...

Влас. Умри, все живое!

Марья Львовна. Молчим... Молчим...

Калерия. Очень рада. Это стихотворение в прозе. Со временем к нему напишут музыку.

Юлия Филипповна. Мелодекламация! Как это хорошо! Люблю! Люблю все оригинальное... Меня, точно ребенка, радуют даже такие вещи, как открытые письма с картинками, автомобили...

Влас (*в тон ей*). Землетрясения, граммофоны, инфлюэнция...

Калерия (*громко и сухо*). Вы мне позволите начать? (*Все быстро усаживаются. Калерия тихо перебирает клавиши.*) Это называется – «Эдельвейс».

«Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие – мудрое молчание гордых высот.

Безгранична пустыня небес над вершинами гор, и бесчисленны грустные очи светил над снегами вершин.

У подножия гор, там, на тесных равнинах земли, жизнь, тревожно волнуясь, растет, и страдает усталый владыка равнин – человек.

В темных ямах земли стон и смех, крики ярости, шепот любви... многозвучна угрюмая музыка жизни земной!.. Но безмолвия горных вершин и бесстрастия звезд – не смущают тяжелые вздохи людей.

Лед и снег нетленным саваном вечно одевают вершины Альп, и царит над ними холодное безмолвие – мудрое молчание гордых высот.

Но как будто затем, чтоб кому-то сказать о несчастьях земли и о муках усталых людей, – у подножия льдов, в царстве вечно немой тишины, одиноко растет грустный горный цветок – эдельвейс...

А над ним, в бесконечной пустыне небес, молча гордое солнце плывет, грустно светит немая луна и безмолвно и тре-

петно звезды горят...

И холодный покров тишины, опускаясь с небес, обнимает и ночью и днем – одинокий цветок – эдельвейс».

(Пауза. Все, задумавшись, молчат. Далеко звучат трещотка сторожа и тихий свист. Калерия, широко открыв глаза, смотрит прямо перед собой.)

Юлия Филипповна *(негромко)*. Как это хорошо! Грустно... чисто...

Замыслов. Слушайте! Это надо читать в костюме – белом... широком... и пушистом, как эдельвейс! Вы понимаете? Это будет безумно красиво! Великолепно!

Влас *(подходя к роялю)*. И мне нравится, право! *(Сконфуженно смеется.)* Нравится! Хорошо!.. Точно – клюквенный морс в жаркий день!

Калерия. Уйдите!

Влас. Да я ведь искренне, вы не сердитесь!

Саша *(входит)*. Господин Шалимов приехали.

(Общее движение. Варвара Михайловна идет к дверям и останавливается при виде входящего Шалимова. Он лысый.)

Шалимов. Я имею удовольствие видеть...

Варвара Михайловна *(тихо, не сразу)*. Пожалуйста... прошу вас... Сергей сейчас придет...

Занавес.

Действие второе

Поляна перед террасой дачи Басова, окруженная густым кольцом сосен, елей и берез. На первом плане с левой стороны две сосны, под ними круглый стол, три стула. За ними невысокая терраса, покрытая парусиной. Напротив террасы группа деревьев, в ней широкая скамья со спинкой. За нею дорога в лес. Дальше, в глубине правой стороны, небольшая открытая сцена раковиной, от нее – справа налево – дорога на дачу Суслова. Перед сценой несколько скамей. Вечер, заходит солнце. У Басовых **Калерия** играет на рояле. **Пустобайка** медленно и тяжело двигается по поляне, расставляя скамьи. **Кропилкин** с ружьем за плечами стоит около елей.

Кропилкин. А ту дачу – кто ныне снял?

Пустобайка (*угрюмо, густым голосом.*) Инженер Суслов.

Кропилкин. Все новые?

Пустобайка. Чего?

Кропилкин. Все новые, мол. Не те, что в прошлом году жили...

Пустобайка (*вынимая трубку.*) Все одно. Такие же.

Кропилкин (*вздыхает.*) Оно конечно... все – господа... эхе-хе!...

Пустобайка. Дачники – все одинаковые. За пять годов я их видал – без счету. Они для меня – вроде как в ненастье

пузыри на луже... вскочит и лопнет... вскочит и лопнет...
Так-то...

(Из-за угла дачи Басова, шумя и смеясь, проходит по дороге в лес группа молодежи с мандолинами, балалайками и гитарами.)

Кропилкин. Ишь ты... музыка! Тоже, видно, представлять собираются?..

Пустобайка. И будут... чего им! Народ – сытый...

Кропилкин. Вот никогда я не видал, как господа представляют... чай, смешно? Ты видал?

Пустобайка. Я – видал. Я, брат, все видал...

(Справа доносится гулкий хохот Двоеточия.)

Кропилкин. Ну? Как же они?

Пустобайка. Очень просто: нарядятся не в свою одежду и говорят... разные слова, кому какое приятно... Кричат, суетятся, будто что-то делают... будто сердятся... Ну, обманывают друг дружку. Один представляется – я, дескать, честный, другой – а я умный... или там – я-де несчастный... Кому что кажется подходящим... он то и представляет...

(Кто-то на левой стороне свистит собаку и кричит:.)
«Баян! Баян!» *Пустобайка колотит по скамье обухом топора.)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.